

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНАРА

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА

К О Н Т А К Т ДЛИННОЮ В 60 ЛЕТ

В 2016 году, впервые за много лет, престижное московское издательство «Художественная литература» представило россиянам произведения Анара. Как сказано в аннотации, с этого двухтомника «начинается повторное возвращение большого писателя к российскому читателю». В этом солидном двухтомнике представлены лучшие произведения как прошлых лет, так и написанные совсем недавно, например, философская повесть «Амулет от глаза».

Перелистывая подаренные мне Анаром книги, я решила в преддверии юбилея моего старого друга и наставника перечитать все эти произведения, порой более чем полувековой давности, глазами современника. Взглянуть на художественные образы и отображенные Анаром проблемы с позиции дня сегодняшнего. И попытаться понять, что же делает многие из этих рассказов и повестей притягательными, интересными до сих пор, что заставляет уже второе и даже третье поколение читателей обращаться к его книгам, читая и перечитывая «Красный лимузин» и «Контакт», «Шестой этаж пятиэтажного дома» и «Номер в отеле». Именно эта «живучесть» художественных образов, созданных писателем на протяжении насыщенной творческой жизни, и представляется мне главным феноменом произведений Анара. И именно в причинах этой «живучести» нам с вами предстоит разобраться.

Том 1. Рассказы, повести, эссе

Первый рассказ в книге датируется 15 декабря 1959 года, последняя повесть, помещенная в ней, написана в 1993–1994 годах. 35 лет, пролетевшие от времени создания «Рассказа гардеробщицы» до повести «Номер в отеле» – эпохальная дистанция. Потому что писался «Рассказ гардеробщицы» в советское время, в самый разгар хрущевской оттепели, когда и в повседневную жизнь людей в СССР, и в литературу, и вообще в искусство ворвались мощные ветры перемен, когда стало возможным писать о том, о чем писать раньше казалось немислимым... А повесть «Номер в отеле» создавалась совсем в другую эпоху, когда не стало ни СССР, ни коммунистической идеологии, когда были низвергнуты все старые кумиры и, что еще печальнее, все прежние ценности, среди которых было немало доброго, хорошего, гуманного...

И все же оба произведения узнаваемы, потому что ни в 1959 году, ни в 1993-м Анар не изменил ни себе, ни своей любимой теме. Начиная с 1959 года и до дня сегодняшнего, главным героем рассказов и повестей Анара станет простой, обычный, в хорошем смысле рядовой человек, его радости и беды, успехи и неудачи, его жизнь и его смерть...

«Последнюю ночь уходящего года» (1959), «Рассказ гардеробщицы» (1960), рассказы «Я, ты, он и телефон» (1967), «Грузинская фамилия» (1967) я прочитала со смешанными чувствами ностальгии и радости от встречи со старыми знакомыми. Потому что могли забыться детали или, скажем, имена героев этих рассказов. Но их аура, тонкий лиризм, деликатность и в то же время искренность в отображении самых потаенных чувств человека – эти качества ранней прозы Анара жили в моей памяти долгие годы.

Рассказы эти – с некоей грустинкой, однако грусть – светлая, полная надежд и ожиданий. Может, оттого, что написаны они во времена «оттепели», может, оттого, что сам

автор был тогда еще очень молод и в будущее смотрел с оптимизмом?

Рассказы отличает почти скульптурная выразительность, в них много визуальных эффектов, по-кинематографически прописанных эпизодов, и не случайно два ранних рассказа стали основой для полнометражных художественных фильмов. В 1969 году на «Мосфильме» режиссер Самсон Самсонов снял на основе рассказа «Я, ты, он и телефон» картину «Каждый вечер в 11». Посмотрев его, наше поколение 16-17-летних то ли подростков, то ли юношей и девушек буквально сошло с ума. Картину смотрели по несколько раз, многие пытались подражать героям фильма (правда, в основном, безуспешно). Между прочим, проблема одиночества в современном мире, попытки найти свою половинку через виртуальное пространство, то бишь через Интернет, социальные сети, фейсбуки и твиттеры – все это с писательской прозорливостью предугадал Анар ровно полвека назад. Это я к тому, что рассказ писателя сегодня, пожалуй, даже актуальнее, чем в середине XX века. Как и пронзительная история несостоявшейся любви мужчины и женщины в «Грузинской фамилии». Помните знаменитые строки Евгения Евтушенко: «О, кто нибудь, приди, нарушь чужих сердец соединенность и разобщенность близких душ»? Эту вечную тему попытался воплотить в своем фильме азербайджанский режиссер Ариф Бабаев, сняв по сценарию Анара фильм под названием «День прошел». Хорошее название. И главное, прекрасно отражает философию этого раннего произведения – день прошел, но впереди целая жизнь, наполненная смыслом, любимой работой, мелкими и большими радостями... К сожалению, в 70-е годы оптимистические ноты в произведениях Анара затихают, и на первый план выдвигается идея всемогущего Круга – замкнутого пространства, в которое попадает человек и из которого практически нет выхода. Но об этом несколько позже...

* * *

... А пока пойдем дальше в своем путешествии по прошлому, каким оно предстает перед нами в восприятии писателя. Следующими в первом томе помещены сатирические произведения Анара, написанные... хотя под большинством из них отчего-то нет даты написания. Но я предполагаю, что эти сатирические рассказы («Цепочка», «Рука руку моет...», «Интересное исследование» и пр.) написаны в 70-е годы. Именно тогда началось закручивание гаек в литературе и искусстве, и именно тогда пышным цветом расцвело графоманство, которое сегодня выросло в огромное, плодоносящее ядовитыми цветами дерево. Это зло писатель ненавидит всеми фибрами души и развенчивает в своеобразной гротескной манере. Достается и бесталанным романистам, и не менее бесталанным критикам, и уж совсем бездарным ученым вроде Болтола Огиева. Кстати, приемы говорящих фамилий (Аваз Авазов, Жуль Иков), а также потешные подписи под сатирическими рассказами, вроде «Ловкач Потешников», напомнили мне ранние рассказы Чехова, когда Антон Павлович был еще Антошей Чехонте и тоже искусно упражнялся в потешных фамилиях...

Однако наиболее мрачной и гротескной сатирой в этом томе является знаменитая анаровская «Сказка о добром короле» – притча о некоем царстве-государстве, где правил очень добрый и очень мудрый король, который проводил свои дни, сочиняя все новые и новые запреты, причем исключительно из любви к подданным. Написана она была в начале 1970 года и явилась, как мне представляется, прелюдией, подступом к созданию Анаром собственной антиутопии, опять же в сказочной форме. Но это будет спустя 30 лет, когда на свет появится «Белый овен, черный овен». Мы поговорим об этом знаковом произведении во второй части статьи.

Что же касается «Сказки о добром короле», то у нее была интересная и очень извилистая судьба. В Баку она была благополучно издана в главном литературном журнале республики «Азербайджан». А вот с всесоюзной «обкаткой» пришлось повременить. Анар в беседе со мной так вспоминал об этом:

«Я показал ее в Москве ответственному секретарю журнала «Дружба народов» Шиловцевой, она ко мне очень доброжелательно относилась. Прочитав вещь, она сказала: «Анар, это не только не опубликуют, но ты это никому не показывай». Она считала, что это – крамольное до предела произведение. Я ответил, что у нас в Баку оно опубликовано. Реакция была шоковая: «Не может быть!» Потом я отправил рассказ в «Неделю» Макарову, и тот мне написал письмо: «Дорогой Анар, вещь замечательная, но не по нынешним временам!» Они опубликовали ее только после того, как с началом перестройки ослабла цензура...»

* * *

Несколько особняком в первом томе стоит документальный рассказ «Происшествие в полночь», написанный в 1974 году. В те годы в центральных газетах страны – «Известиях», «Литературной газете», «Неделе» – выходили судебные очерки, которые читались со жгучим интересом. Как видно, молодой писатель также решил попробовать себя в жанре документальной прозы на тему морали и права, и, надо заметить, это ему блистательно удалось. Судебный очерк о преступлении двух молодых людей, надругавшихся и едва не убивших из-за корысти пожилого фронтовика, отца 11 детей, отличает глубина анализа, четкость и яркость психологических портретов как преступников, так и жертвы, попытка найти ответ на извечные вопросы всех времен и народов «Кто виноват?» и «Что делать?» В настоящее время в нашей журналистике жанр судебного очерка практически сошел на нет. У современных авторов нет времени вдаваться в подробности, расследовать причинно-следственные связи того или иного преступления. Обозначат коллизию, выдадут очередную сенсацию с трагическим концом, благо нынче преступлений на бытовой почве пруд пруди, и закроют тему. Между тем я всегда советую молодым журналистам, которые берут у меня комментарии, хотя бы немного углубиться в материал, попытаться понять, что толкнуло того или иного индивидуума на совершение преступления и что вообще необходимо сделать всем нам, обществу, для того, чтобы подобных жутких преступлений было меньше...

Между прочим, еще в далеком 1974 году Анар с писательской проницательностью увидел одну из причин увеличивающейся бытовой жестокости в безответственности кино, телевидения, издательств, которые не должны выпускать продукцию, смакующую насилие, убийства, идеал «золотого тельца». Сегодня, когда на экранах телевизоров, в Интернете, в кинозалах идут сплошь кровавые боевики и «ужастики», когда людей, как и в пору мрачного средневековья, в массовом порядке отправляют на казнь только из-за принадлежности к той или иной религии, этот писательский призыв выглядит более чем актуальным.

* * *

...В 1976 году в 12 номере журнала «Дружба народов» была опубликована повесть Анара «Контакт», повесть, несомненно, фантастическая, с элементами сюрреализма, притчевости, мистификации. Ее заметила всесоюзная критика, о повести много писали, спорили, пытались разгадать замысел автора, секрет силы ее художественного воздействия.

Повесть и впрямь необычна как для всей азербайджанской литературы, так и для творчества самого Анара периода 70-80 годов. Читая и перечитывая эту повесть, где на каждой странице с героем происходит какая-то чертовщина, ты прямо физически ощущаешь холодок, который пробегает по телу от соприкосновения с неведомым. По мнению известного российского литературоведа Аллы Латыниной, горячо принявшей повесть молодого прозаика, «в парадоксальной, откровенно условной форме писатель ставит вполне реальную проблему полноты контакта человека и мира, человека и вселенной,

решению которой препятствует ограниченность ума, забитого мифами псевдонауки». А другой, не менее известный критик, Анатолий Бочаров, считает, что речь в повести вообще идет о любых формах взаимоотношения одной личности с другими, и что «контакты с внеземными цивилизациями – это прежде всего контакты друг с другом и в конечном счете – с самим собой: не бояться чуда!»

Не знаю уж, кто прав в этом споре «физиков» и «лириков», но лично на меня повесть «Контакт» произвела сильное впечатление и тогда, когда я ее прочитала впервые, и сегодня, 30 лет спустя. Прежде всего мастерством автора в описании душевных переживаний героя, буйной фантазией, ощущением собственного физического присутствия в этой странной, «экспериментальной» 20-этажке, где происходят всякие чудеса. Хотя лично я подобные чудеса, как и студент, герой повести, также недолюбиваю, поэтому в данном случае все мои симпатии на его стороне...

* * *

...Наступила вожделенная эпоха – пал «оплот зла», Азербайджан сделался независимым государством. Нет ни железного занавеса, ни райкомов и горкомов, ни какой бы то ни было идеологии. Цензуру отменили, количество средств массовой информации выросло в геометрической прогрессии, пиши о чем хочешь и как хочешь. Благодать! Вот только почему-то иронии и даже злого сарказма в сатирических рассказах Анара 90-х – начала 2000-х годов поприбавилось. «Времена года...», «Кто "dəli"? Или да здравствует свобода слова!», «Что отведал – крепкого леща!» и др. – это, по сути, фельетоны в стиле Моллы Насреддина, это Сабир и Гоголь в одном лице, это современный парафраз «Сборища сумасшедших» Мирзы Джалила. Ибо тоталитарный контроль и цензура сменились хаосом, вседозволенностью, всеобщим невежеством и бескультурьем. А на поверхности общественной жизни и политики вдруг появилось столько человеческой пены, такое несметное количество перевертышей, что впору караул кричать. И невысказанным упреком повисают в воздухе мысли писателя: «Это ли та самая свобода слова, которой мы с таким упоением ожидали?»

...И вновь особняком в этом первом томе стоит рассказ Анара «Приказы призраков в погонах», дружеская шутка-пародия на детективные романы Чингиза Абдуллаева. Этот рассказ был опубликован на знаменитой 16-й полосе «Литературной газеты», где я тогда работала собственным корреспондентом. Помню, какой он произвел фурор, а наши редакционные акулы пера единогласно признали его лучшей публикацией «Литературки» за 1996 год. Пожалуй, только в романе Василия Аксенова «Москва ква-ква» я встречала такое буйство фантазии, такую квинтэссенцию детективных штампов и стереотипов, доведенных до абсурда, до абсолюта. Этот и другие «нестандартные» рассказы – от фэнтези до сатирической публицистики – убеждают читателя в многосторонности таланта прозаика, которому в действительности подвластны все жанры, кроме скучного.

...К началу 90-х годов относятся еще два знаменитых рассказа Анара – «Красный лимузин» и «Наваждение». Написаны они в сюрреалистической манере и очень мрачны по своему настрою. Беспричинная тревога, необъяснимое беспокойство пронизывают структуру рассказов, которые в обоих случаях заканчиваются смертью главных героев – людей, живших обычной и в общем-то благополучной жизнью. Трагическими мотивами утраты, потери самого дорогого пронизана и повесть «Номер в отеле» – манифест азербайджанской интеллигенции 90-х годов. Когда ты понимаешь, что с твоей родиной сотворили чудовищную несправедливость и у тебя от этих мыслей, как у героя повести Керима Аскероглу, «дым из головы идет».

Конечно, пессимистический настрой произведений Анара начала 90-х годов XX века спровоцировали гарабахские события, массовое убийство мирных жителей 20 января в Баку, Ходжалинский геноцид, оккупация огромной территории Азербайджана. Мы все в те

годы жили ощущением конца света, надвигающегося Апокалипсиса, который мы не в силах остановить. Анар-публицист, Анар-депутат, Анар-общественный деятель в те годы яростно сражался – писал обращения, заявления, выступал с самых высоких трибун, бросая в лицо сильным мира сего справедливые обвинения. Анар-прозаик, Анар-писатель рефлексировал и вместе со своими героями погружался в пучину трагической безысходности. Ведь и последний приют, последний оплот надежды – братская Турция – разочаровал тогда многих представителей азербайджанской интеллигенции. И об этом очень честно и откровенно Анар написал в рассказе «Обязательно встретимся!..» А мне по его прочтении (в который раз!) вспомнился незабвенный Джалил Мамедкулизаде с «Книгой моей матери».

Завершая путешествие по очень пестрому, жанрово и стилистически неоднородному миру анаровской прозы, представленной в 1 томе, хочу сказать словами его давнего друга и поклонника, известного литературного критика Льва Аннинского: «...После десятилетий разлуки меня греет эта встреча. С ним. С самим собой – тогдашним. Через все теперешние барьеры...»

Словом, есть контакт!

Том 2. Повести. Романы

Второй том – более солидный по объему – вобрал в себя все самые крупные произведения анаровской прозы от «Белой гавани» до повести «Амулет от сглаза». Все эти произведения – и «Юбилей Данте», и «Цейтнот», и, конечно же, знаменитый «Шестой этаж пятиэтажного дома» в свое время приобрели большую популярность как у читателей, так и у литературных критиков общего союзного пространства, поэтому недостатка в рецензиях, комментариях, обсуждениях не было. Дотошный читатель или начинающий литературный критик могут прочитать многие из этих рецензий и статей в сборнике «Анар, подсчитывающий годы» (Москва, «Маска», 2017), где собрано все или почти все значительное, когда-либо сказанное об Анаре и его творчестве.

Поэтому повторяться не буду. Для меня главное – отразить сегодняшнее впечатление, впечатление человека XXI столетия, от прочтения произведений, созданных два-три десятилетия назад. И не потерявших (порой так и хочется сказать «к сожалению!») актуальности спустя много лет.

Первая повесть, помещенная во втором томе, датирована 1965 годом. У нее два названия «Круг» и «Белая гавань». Первое название, пожалуй, точнее отражает контент повести. И кстати, не только этой. Во всех последующих произведениях Анара («Юбилей Данте», «Шестой этаж», «Цейтнот») рефреном звучит один и тот же мотив: мотив Круга как некоего упорядоченного, порой комфортного и уютного, но чаще опостылевшего пространства, где все – от рождения до смерти – регламентировано, и где нет возможности сделать шаг влево или вправо, выйдя за колею. И второй мотив: это попытки его героев, чаще всего безуспешные, вырваться из этой замкнутой реальности...

С высоты сегодняшнего дня проблема Неймата, главного героя повести «Круг», который явно тяготеет своим налаженным бытом и невозможностью что-либо изменить в жизни, кажется несколько наивной. Уверена, что многие из тех, кто пережил глобальные катаклизмы конца XX столетия и ужасы Гарабаха, напротив, мечтали бы оказаться на месте Неймата. И вообще, после всего, что нам всем пришлось пережить, яснее осознаешь, что в той, прошлой жизни, где, как считает Неймат, никогда ничего не меняется, было много хорошего и светлого...

В «Круге» и в «Юбилее Данте» предметом пристального внимания писателя является обычный, заурядный, ничем не примечательный человек со всеми его большими и маленькими горестями, со всеми его проблемами, с его любовью и ненавистью. А про-

читав эти повести, понимаешь, что интереснее и значительнее, чем эта, вроде бы, заурядная жизнь обычных людей литература со времен Гоголя так и не придумала.

И потом, при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти заурядные люди, вроде Фейзуллы Кябирлинского, не такие уж заурядные, что они выше, интеллигентнее, нравственнее многих других героев. Оказывается, что такие, как Фейзулла, и есть та самая «соль земли», без которой наш мир давно бы полетел в тартарары. Ибо не талантом единым жив человек. А прежде всего – способностью любить и прощать... да еще самоотверженным служением избранному делу.

...Повесть «Круг» интересна как подступ, первый эскиз к будущему шедевру – роману «Шестой этаж пятиэтажного дома». Здесь вырисовываются первыми штрихами характеры Заура и Тахмины, здесь зарождается их любовь, изменившая судьбы обоих. Пожалуй, впервые в азербайджанской литературе XX века взаимоотношения мужчины и женщины показаны столь откровенно, с такой страстью и эротизмом. Представляю, как морщились литераторы старшего поколения, читая эту «крамолу», и сколько критических стрел выпустили в адрес молодого прозаика, посмевшего «так» писать о сокровенном!..

Да, образ Тахмины – красивой, свободной, жаждущей настоящей женской любви и готовой презреть ради этой любви все условности и предрассудки общества – стал подлинной литературной сенсацией. И Анар художественным чутьем понял, что должен вернуться к этой теме, чтобы создать современную версию вечной любви двоих, написать историю, которая будет способна пережить века.

Это случилось, когда спустя 8 лет после «Круга» на свет появился «Шестой этаж пятиэтажного дома». На мой взгляд, лучшее, что когда-либо создал Анар в прозе. Перечитывая историю любви Тахмины и Заура в который раз, волнуешься по-прежнему, а приближаясь к заключительным страницам, каждый раз надеешься, а вдруг на этот раз все будет по-другому? А вдруг отец и мать, тетушки и дядюшки Заура поверят в силу их чувства и отступятся, а вдруг Тахмина не умрет... и Анна Каренина не бросится под поезд... и спадет с Асли ее волшебный пояс заклятья... и будут счастливы все влюбленные мира, и их не смогут разлучить ни людская зависть, ни жестокие пересуды... и будут они жить долго и счастливо и умрут в один день.

К сожалению, такая концовка бывает только в сказках, а Анар – реалист. И потому Заур покинет Тахмину и затоскует навеки. А Тахмина погибнет из-за любви к Зауру...

Роман «Шестой этаж пятиэтажного дома», как мне представляется, это самая волнующая и романтическая история любви, созданная в азербайджанской литературе XX века. И если бы Анар ничего не написал более, он бы и тогда вписал свое имя в историю отечественной культуры...

* * *

«Цейтнот» – еще один крупный роман Анара, написанный в советское время. Он датирован 1977 годом. В стране, как потом его окрестят, царит брежневский «застой», в магазинах – повсеместный дефицит продовольственных и промышленных товаров, за всем – от пылесоса до машины – надо отстоять длинную очередь. Железный занавес ослабеваает, люди все чаще ездят за границу, привозя оттуда стойкое послевкусие жизни праздника, существования в условиях всеобщего изобилия... И в этих условиях понятия успеха, материального благополучия, карьерного продвижения вверх по служебной лестнице выдвигаются для многих на первый план. А для некоторых становится возможным при этом поступаться некими принципами, которые казались святыми в период молодости и юношеского максимализма.

Внешне в романе «Цейтнот» ничего не происходит, все главное происходит в голове героя произведения Фуада Мехтиева, все внешние раздражители одного будничного дня, преломляясь в его сознании, заставляют как в проекторе прокрутить перед мыслен-

ным взором всю его не такую уж долгую жизнь. И вот ведь какая штука: Фуад вроде неплохой человек, не подлец, не невежда, он способен, инициативен, занимает, казалось бы, не чужое место. Конечно, занять это «теплое» место в системе Баксовета ему помог всеильный тесть...но ведь он справляется... и вскоре ему светит еще более престижное кресло... Но в какой-то момент плата за успех стала казаться Фуаду непомерно высокой. И ему, как и герою повести «Круг», захотелось свернуть с наезженной колеи. Что, кстати, в конце повести он с успехом и делает, хотя, может, уже на следующий день пожалеет об этом...

Нравственные дилеммы, которые стоят перед героями произведений Анара 70-х годов, сегодня кажутся нам несколько старомодными. В конце XX – начале XXI века, когда сместились и девальвировались все моральные нормы, когда для большинства добропорядочных граждан единственным надежным ориентиром и спасением стал Его величество доллар, в угоду которому иные приносят не только интересы близких людей, но и национальные интересы целой страны, нравственные терзания Фуада Мехтиева, его духовный дискомфорт многими будут непоняты...

Хотя темы, поднятые в «Цейтноте», конечно же, всегда будут актуальны: какой путь изберет человек – путь к себе, к самопознанию, к внутренней гармонии, или же путь от себя – к самоуспокоенности, к душевной сытости и душевной же глухоте... Анар никогда не дает готовых рецептов, он дает нам единственное – надежду. Которая, как известно, умирает последней...

Анар – сугубо городской писатель, его главным героем, помимо людей, всегда является город: Баку, Абшерон, сумасшедший хазри, приморские поселки и, наконец, его величество Каспий. Город Анар может живописать без усталости, равно как и море, в которое писатель влюблен и в которое заставляет влюбиться читателя. Можно без усталости цитировать строки из различных произведений Анара, но я намеренно не делаю этого. В первых, вырванные из контекста, слова, образы увядают, блекнут, а, во вторых – пусть вдумчивый читатель сам прикоснется и ощутит восторг от контакта с лучшими образцами пейзажной лирики Анара...

* * *

Начало XXI века представлено во втором томе двумя повестями – утопической и антиутопической сказкой «Белый овен, черный овен», а также философской повестью «Амулет от глаза».

Честно говоря, обе повести произвели на меня не самое радостное впечатление. Наверное, я однолюб и по части литературных предпочтений все же задержалась в веке XX-м. Мне анаровский «Цейтнот» или, скажем, «Юбилей Данте» ближе как по стилистике, так и по контенту. И все же «Белый овен, черный овен»...

В сказке изображаются возможные варианты судьбы родины Анара – страны Огней. В первом случае это процветающая, демократическая, суперкультурная и суперблагополучная держава, в которой решены все политические и экономические проблемы. Во втором случае это – Зона, даже три Зоны, разделенные колючими проволоками, где царят застой исламского фанатизма, коммунистическая диктатура и моральное разложение в царстве «золотого тельца». Если честно, меня перспектива жить в царстве Белого овна, где все день-деньской пляшут и поют, не очень впечатлила. Где-то я подобное уже видела, особенно когда Анар начал перечислять гигантские монументы 12-ти деятелей национальной истории, установленные в Баку, – от Араншаха Джеваншира до Джавад-хана. Ба, да ведь это Туркменбаши в Ашхабаде уже насадил по всем паркам золотые фигуры прародителей великого туркменского народа. И коммунальный транспорт вкуче с хлебом в Туркмении тоже бесплатный. Вопрос только, стали ли от этого жители страны счастливее. Что касается царства Черного овна, то мы, в принципе, в одной из Зон уже доста-

точно пожили. И про другие Зоны знаем не понаслышке, так что нас подобными мрачными сказками не испугаешь... Однако если рассуждать серьезно, то мир уже поделен на подобные Зоны. Одно «Исламское государство» с его массовыми казнями чего стоит! Или отменно взятый «коммунистический рай», построенный в Северной Корее.

А мы сами что? Мы где находимся? Наверное, все еще на перепутье. Из царства Черного овна четверть века назад вышли, а до Белого еще не дошли. Да и достигнем ли мы этой земли обетованной когда-нибудь? Вряд ли. Хотя предупреждение умудренного опытом писателя имеющий уши да услышит...

И наконец последняя повесть, помещенная в двухтомнике, называется «Амулет от сглаза». Мистика, сюрреализм, философские рассуждения о смысле жизни, об извечной борьбе добра со злом... Кстати, прекрасный перевод Нати́га Расулзаде, чего не скажешь о некоторых других переводах.

Повесть, конечно, стоит особняком в творчестве Анара. Хотя у него и раньше были и мистические сюжеты, и проза абсурда, вспомним хотя бы тот же «Контакт» или рассказ «Красный лимузин» (тоже в переводе Н.Расулзаде), однако «Амулет от сглаза» отличается от них своей глубиной и насыщенностью философскими мыслями, закрученностью сюжета, смешением жанров, которые, впрочем, органично входят в произведение, делая его цельным и крепким.

Вера в чудо – вот, пожалуй, главная отправная точка, основной философский посыл повести. «Есть многое на свете, друг Горацио, Что и не снилось нашим мудрецам» – приводит автор известные слова шекспировского Гамлета, утверждая, что жизнь надо в первую очередь воспринимать сердцем, и сердце наше должно быть распахнуто для добра, для любви, для чуда. А чудо мы видим каждый день, потому что настоящее чудо – это наша жизнь. И как нельзя более кстати приводит автор высказывание Достоевского: «Человек, отвергающий чудо, тем самым отрекается от Бога, так как в чуде он нуждается больше, чем в Боге, не умея жить без чуда, он сам выдумывает чудеса и тянется к чуду, тайне, предсказаниям».

Показателен в главе 17 спор Ахлимана с автором (фактически спор человека с самим собой, спор доброго и злого начала в человеке), где последний, несмотря на все попытки оппонента заставить его свернуть с праведного пути, остается верен своим идеалам, и это можно считать своеобразным девизом произведения, призывом писателя-гуманиста к читателям, к людям, к народу и в конечном итоге – ко всему человечеству: делать добро, не бояться творить добро бескорыстно, безвозмездно, ибо царящую вокруг несправедливость можно победить лишь милосердием и прощением. Опять утопия? Может быть. Но ничего лучше человечество пока не придумало. Ибо убеждена, что не красота, а любовь спасет мир...

* * *

Перевернута последняя страница объемного двухтомника. Завершено и мое путешествие во времени и пространстве анаровского прозы. Я не могу сказать, что оно было легким. Но поучительным уж точно. Я горевала и плакала вместе с Тахминой, пыталась вырваться из круга повседневности вместе с Нейматом, злилась вместе с Зауром, кротко обижалась вместе с Кябирлинским, пыталась вскарабкаться на Белого овна вместе с Мелик-Мамедом. И любила все человечество вместе с автором повести «Амулет от сглаза». Анар – волшебник. Он создал свой неповторимый, ни на что не похожий мир, куда хочется возвращаться вновь и вновь. И в этом – главное художественное достоинство его прозы.

Хайфа – Баку
январь 2018г.

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

Седьмая ночь

Рассказ

К своим пятидесяти годам Эмин М. вдруг осознал, что жизнь его пуста и неинтересна, профессия случайна, успехи незаслуженны, а душа полна обид. Произошло это озарение (хоть и высокопарно, но иначе не назовешь) и в самом деле вдруг, когда однажды, пасмурным осенним утром, под стук капель дождя в оконное стекло ему удалось заглянуть глубоко в себя и за считанные минуты проследить, прокрутить, пробежать всю свою жизнь, от малых лет до этого мгновения, когда, лежа в постели, он стал внезапно задыхаться от пронзившей его мысли о своей никчемности.

С тех пор с ним стали происходить странные вещи.

Недавно Эмин М. потерял родителей, сначала умерла мать, долго, тяжело болевшая, а через два месяца внезапно скончался от инсульта практически здоровый отец. И Эмин М. остался один. С женой он давно развелся, точнее, она настояла на разводе, не имея сил продолжать совместную жизнь с таким... с таким... она не находила слов, когда вынуждена была говорить о нем; сына, тогда еще пятилетнего, она забрала к себе, боясь, что отец его тоже воспитает таким... таким... опять же не находила слов – слишком нервничала, внутренне дрожала от ярости, когда вынуждена была вспоминать своего бывшего мужа... Новой женой Эмин М. не обзавелся, вторую семью до сих пор не завел, все откладывая на потом, и дооткладывался до того, что его мать перестала ворчать и пилить Эмина М. по этому поводу, да и самому ему обзаводиться стало ни к чему – слишком многими холостяцкими привычками он оброс к тому времени, а точнее: в преддверии своего юбилея.

Оставшись один и отдохнув несколько дней после тяжелого периода своей жизни, когда смерти родителей последовали одна за другой и, кроме относительно спокойно перенесенного горя, повлекли за собой множество крайне беспокоящих, суматошных бытовых проблем, каждую из которых следовало решать немедленно, Эмин М. принялся за ремонт давно запущенной квартиры, в которой всю свою жизнь – как сознательную, так и несознательную – обитал вместе с родителями. С родственниками он не был близок и друзей среди родни у него не имелось, братьев и сестер тоже не было, он был единственным чадом у отца с матерью, так что все близкие и дальние, к обоюдному удовольствию, оставили его в покое. Друзей, точнее, товарищей (я слишком долго прожил на свете, чтобы кого-то назвать другом, – с немалой долей позёрства утверждал Эмин М.) тоже было негусто благодаря необщительному характеру и постоянной, какой-то непонятной, почти болезненной отрешенности и самоуглубленности Эмина М. Был только один приятель, с которым он изредка виделся, чтобы сыграть несколько партий в шахматы или нарды, и который каждый раз старался непредсказуемое количество очков на брошенных костях при игре подвести под математически четко запланированный акт, притягивая за уши игру в нарды к интеллектуальным играм и приравнивая её к шахматам, что изредка ему удавалось; и тогда он торжествовал, произнося избитые фразы про математику и про то, что она царица